

18+

Елена Твозденко

*Участь
Агасфера*

Мистические рассказы

Елена Гвозденко

**Участь Агасфера.
Мистические рассказы**

«Издательские решения»

Гвозденко Е.

Участь Агасфера. Мистические рассказы / Е. Гвозденко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511307-8

Долгая жизнь как проклятие за греховный выбор. Всегда ли за талантом стоит благословение света? Насколько правы те, кто считает, что дар Репина проклят, и можно ли разбудить спящих духов? Сборник мистических рассказов погрузит вас в атмосферу ужаса, пригласит к размышлению.

ISBN 978-5-00-511307-8

© Гвозденко Е.
© Издательские решения

Содержание

Участь Агасфера	6
Съемная квартира	7
Тайна Федоры	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Участь Агасфера Мистические рассказы Елена Гвозденко

© Елена Гвозденко, 2021

ISBN 978-5-0051-1307-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Участь Агасфера

Агасфер – иудей, вынужденный скитаться до Второго пришествия Христа. По преданию, иудей-ремесленник Агасфер оттолкнул Христа, которого вели на распятие, когда тот просил лишь прислониться к стене дома, чтобы отдохнуть.

Съемная квартира

Ощущение безумия становилось навязчивым. Что делать, к кому обратиться? Первокурсник Кирилл еще не обзавелся институтскими друзьями, в начале первого семестра все вежливо настороженно, сближаться не спешат. Да он не рассказал бы это даже приятелям, которые остались в городе детства.

Когда они с матерью приехали, чтобы обустроить его на время учебы, то поселились в гостинице. Казалось, найти съемную квартиру в большом городе будет совсем просто. Обратились в агентство, им дали список адресов, за который, кстати, они прилично заплатили. Оказалось, что это новый способ мошенничества, квартиры по этим адресам не сдавали. Кирилл даже хотел забрать документы и вернуться в поселок, видя, как измучилась мать. Денег едва хватило бы на съем комнаты на окраине, посредникам они больше не доверяли, поэтому сами искали объявления и обходили удаленные районы. И тут молодой человек нашел объявление об аренде этой квартиры. Квартира была в двух шагах от института и сдавалась по цене комнаты в общежитии. Как же они обрадовались такой удаче!

Уютный зеленый дворик, старый двухэтажный особнячок, разменявший сотню лет, возможно, и не одну. Сдаваемое жилье находилось на первом этаже. Разумеется, их не смутила маленькая площадь, темнота и сырость, главное, что доступно, отдельно, близко к институту, есть удобства.

Несколько дней ушло на обустройство, а потом мама уехала, а он остался один, через неделю начинались занятия. Он целыми днями гулял по городу, наслаждался свободой взрослой жизни. Возвращался затемно и почти сразу засыпал. Первая неприятность случилась на четвертый день. Он вернулся раньше обычного, но в квартиру попасть не мог, замок почему-то заклинило. Кирилл не знал, что делать. Он легко бы справился с проблемой, замок был самый простой, но ему нужны инструменты. Позвонил хозяевам, те не ответили. Пришлось идти, знакомиться с соседями. И тут он столкнулся с первой странностью – звонил в каждую дверь, но никто не открывал, не было слышно никаких звуков, дом казался необитаемым. Лишь в соседнем подъезде, из квартиры на втором этаже доносились запахи пригоревшего супа и слышались шаркающие шаги. Из-за двери показалась субтильная фигурка старушки. Маленькое остроносое личико с темными глазками, порывистые движения, клочки серых волос, выбивающихся из-под платка, делали женщину похожей на крысу.

– Извините, я ваш новый сосед, не могу попасть в квартиру, замок заклинило, – Кирилл боялся, что ему не поверят.

– Из третьей, – хрипло хихикала старушка. – Инструмент я тебе дам, но уезжай-ка ты отсюда, не принимает тебя квартирка.

В этот момент свет закатного солнца пробился сквозь пыльное подъездное оконце и покрыл лицо старушки багровым румянцем. Кириллу стало жутко.

Язычок замка, не реагирующий на повороты ключа, легко поддавался старухиной отвертке. Когда относил инструменты, впервые заметил, что почти все окна были темные, свет горел лишь в его и старухиной квартире.

– А что, кроме нас здесь никого нет? – решил на вопрос, протягивая коробку хозяйке. Но та лишь засмеялась и захлопнула дверь.

На следующий день он сменил замок и купил инструменты. Хотел уведомить хозяев, но их телефон по-прежнему не отвечал. Это была первая бессонная ночь, он ворочался на старой кровати и вслушивался в ночные шорохи и скрипы.

Вечер вновь встретил неоткрывающимся замком. Этого просто не могло быть, ведь накануне Кирилл все проверил, все прекрасно работало. Инструменты были внутри, пришлось опять идти к соседке.

Старуха открыла до того, как он поднялся на этаж.

«В окно видела что ли?» – подумал молодой человек. В этот раз она не была настроена столь благодушно. Протянула ему отвертку и прошипела:

– Это последнее предупреждение, убирайся. Собери свои вещи и съезжай.

– Мне некуда ехать.

– Твои дела.

Как и в прошлый раз, замок щелкнул от легкого прикосновения старухиной отвертки.

Начались занятия, Кирилл старался меньше бывать дома. Новая обстановка, отношения, новые требования захватили юношу. Казалось, что страхи остались в прошлом, разве отвертка, которую он так и не вернул старухе, была всегда с ним.

Через две недели от спокойствия не осталось и следа. Все началось в ночь с шестнадцатого на семнадцатое сентября. Вечером Кирилл готовился к первому семинару, уснул за полночь. Проснулся от странных звуков, казалось, кто-то ходит по квартире. Глухие, шаркающие шаги раздавались совсем близко. Юноша рывком поднялся с кровати, зажег свет, но в комнате было пусто. Подсвечивая телефоном, он прошел в коридор и остановился у входной двери. И тут он услышал хриплое дыхание астматика с присвистами и легкими стонами. Кто-то затаился у его квартиры, затаился и болезненно дышит. Кирилл чувствовал, как холод тонкой струей стекает по позвоночнику, как немеют пальцы, как перехватывает дыхание. Стоны, за ветхой от старости дверью, перешли в рулады, а потом и в обрывки речи. Такого ужасного голоса он никогда не слышал. Казалось, что это старое, высохшее дерево забралось в подъезд, и скрипит трухлявыми ветвями: «Отопри, отопри».

Кирилл очнулся на холодном полу в коридоре. Как получилось, что заснул здесь, у входной двери? На занятиях не мог сосредоточиться на лекции, вяло участвовал в семинаре, а после сидел в парке до самых сумерек. Смотрел, как темнеют аллеи, как людской гул тонет в шорохе листьев, срываемых осенним ветром.

Дверь открылась легко, отвертка старухи не потребовалась. Молодой человек прошел по квартире, щелкая выключателями. Он решил спать со светом. Укрался с головой одеялом, но сон не шел. Тишину нарушало только тиканье старинных хозяйских ходиков, которые он заводил каждое утро. Кирилл старался сосредоточиться именно на этом звуке, даже сопровождал счетом. Тик-так, тик-так, тик... Тишина навалилась студенистым телом, стало трудно дышать. Кирилл хотел выскочить во двор, но он больше не чувствовал ног. И тут появились голоса, сначала тихо, потом все громче, громче. Молодой человек пытался разобрать слова, но голоса сливались в многомерный гул. Желтый свет пыльной лампочки задрожал, несколько раз мигнул, и стало темно.

– Отдай мой кошель, слышишь, – выл кто-то басом.

– Быстрее, Глафирка, быстрее, сейчас извозчики просыпаться будут, – зло зашептали в ответ.

– Да тороплюсь я, не видишь что ли, ноги застряли...

Кирилл слушал и понимал, что и сам становится чем-то отдельным от своего тела, что-то вне его, но ему принадлежащее, отзывалось на каждую реплику.

– Убили...

– Тащи его в ледник...

– Спрячь подальше сверток-то, не ровен час нагрянут...

От проступившей утренней серости предметы в комнате обретали формы. Голоса стихли, а молодой человек, наконец, смог оторвать себя от постели.

Память продолжала свои игры: юноша не помнил дороги в институт, не помнил, как оказался в аудитории. Очнулся на лекции, когда Максим, сидящий рядом, толкнул в бок:

– Ты сегодня какой-то странный, что-то случилось?

– Так... Ты живешь в общежитии?

– Да, а что?
– И как?
– Нормально. Весело, вчера до утра отжигали. А почему спрашиваешь, ты же устроился в квартире?
– Долго объяснять, я могу переночевать у тебя?
– Не понял, хозяйева вытурили?
– Что-то вроде...
– Вообще-то в комнате есть свободная койка, бронь кому-то держат, но комендантша обходит после одиннадцати. Приходи, что-нибудь придумаем.
– Только вещи захвачу кое-какие.
– Окей, семнадцатая комната.
– А если ты со мной сходишь за вещами?
– Нервный ты сегодня, хорошо, сходим, заодно и Расскажешь, почему вдруг спрячешься, – тихо засмеялся Максим.

Они сбежали с третьей пары, заскочили в столовую, истратив неприлично много на полноценный обед. Кирилл, как мог, оттягивал объяснение. Разумеется, он хотел придумать какую-нибудь правдоподобную историю, но ничего не приходило в голову.

Кто-то вывозил мебель из подъезда, где находилась съемная квартира. Пожилой мужчина бодро руководил работой грузчиков.

– А вы кто, тоже грузчики? Не похожи...
– Нет, я здесь живу.
– Что? Живешь, говоришь? Это кто же тебя, бедолага, сюда устроил? Дом-то расселен давно, это я остатки мебели на дачу вывожу. В какой квартире обитаешь?
– В третьей
– Григорьевы подзаработать решили, значит. Эх и жук Колька. А ведь квартирку-то уже получил...
– Но как же, вы говорите, расселили, а коммуникации есть, да и старуха живет в соседнем подъезде.
– Коммуникации со дня на день отключат, а старую ведьму выселят. Не поверите, всю жизнь в этом доме живу, а старая Федора всегда такой старой была, и пятьдесят лет назад.
– Как такое может быть? – не выдержал Максим.
– Приятель твой? – кивнул мужчина. – Может, сынок. Видишь, дружок твой и не удивляется. Дом его удивляться разучил, только страх остался...
– Да что здесь происходит?
– Подождите, парни, сейчас ребятушек отпущу, а сам с вами посижу на лавочке вон под деревцем.
– Может объяснишь? – спросил приятель у Кирилла, как только они сели на лавочку.
– Чертовщина тут происходит, по ночам голоса, дверь постоянно заклинивает. И старуха эта безумная. Представляешь, во всем доме только она и я.
– Ничего себе...
– Ну что, сынки, – подошел к ним мужчина, отправив машину, – меня Николаем Петровичем звать.
– Кирилл, а это – Максим.
– А у нас тут почти все Николаи, уж очень любили мамы наши это имя. А может, как оберег давали...
– Оберег?

– Я в этом доме родился. Дом как дом, старый только. Его еще в первой половине 19 века построили, но ведь раньше строили на века. Воду, газ еще до моего рождения подвели, повезло. Дом небольшой, всего двенадцать квартир. Это уж после все старожилы стали вспоминать,

мол, и раньше всякие странные вещи происходили, но не больше. Чем в других домах. Так же рождались, женились, умирали. Кто-то влюблялся, кто-то ругался. Вот только Федора, сколько себя помню, всегда старой была. Во дворе ее боялись, старались стороной обходить. Пару лет назад дом наш потихоньку разрушаться стал, заговорили о расселении. Но у нас ведь как? Пока соберешь бумаги, пока утвердят. А тут и случилось то, что нас из этого дома выгнало.

– Что???

– В соседнем доме меняли коммуникации, вернее, подводки к ним. Прорвало у нас тут зимой, не дворы – каток. Кое-как залепили до весны, а как подсохло, разрыли и решили соединить с нашими трубами, по другой схеме. Раскопали двор, и обнаружили ледник. Дом-то наш до революции постоянным двором был, тут извозчики останавливались на ночлег. Ледник в таком доме – вещь необходимая.

– Вроде погреба? – спросил Максим.

– Погреб, в который загружали лед. Продукты сохранялись даже летом не хуже, чем в холодильнике. Про этот ледник мы в детстве знали, но на нем стояла ракушка – гараж дяди Яши. Гараж тот давно снесли, а про ледник забыли. Стали копать, а ледник-то непростой. Разрыли, а из него ход в еще один погребок – склеп. Двадцать три скелетика, косточка к косточке...

– Как? – одновременно вскрикнули молодые люди.

– Неужели не слышали? Так вы же приезжие, громкое дело, в новостях показывали. Подняли дела архивные, журналисты свое расследование провели. В середине позапрошлого века держали постоянный двор супруги Агафоновы, Спиридон Иванович и Глафира Корнеевна. В местных газетах то и дело появлялись записи об исчезнувших: то купчишка какой по делам поедет и сгинет, то помещик мелкий в город по делам отправится, а домой не вернется. Это сейчас дом в центре города оказался, а в те времена – окраина. Пропажи эти с Агафоновыми не связывали, а зря... Многих они порешили.

– Ужас, – не выдержал Кирилл.

– Нет, сынок, самый ужас потом случился. Раскопали косточки и начались у нас кошмары. Сначала все молчали, а потом как прорвало, стали друг другу разные страсти рассказывать. Ночами стоны, плачи, голоса разные, вещи оказывались не на своих местах. Дальше – больше. Один за другим заболевали жильцы, скорая каждый день приезжала. За год четверых схоронили...

– От чего умирали?

– Вовка из пятой выпивал, он первым умер. Никто тогда не удивился. За ним старуха Ивановна из восьмой, опять-таки, девятый десяток. А когда сноха Терентьевых скончалась, вроде бы от пневмонии, молодая девка, двадцать пять всего исполнилось, а за ней и Гришка Семенов, сорокалетний дальнобойщик умер от остановки сердца, народ стал потихоньку съезжать из дома.

– Вы же говорили, что расселили?

– Расселили, в июне еще, выдали всем по квартире. А дом должны в октябре снести.

– Как в октябре? Мы заплатили за полгода.

– Это ты с Григорьевыми решай. Не спускай им, сынок. Договор-то заключили?

– Заключили.

– Вот пригрози им судом, ишь, что выдумали. Ладно, ребятки, вы уж постарайтесь уехать быстрее.

– А как же старуха? – не выдержал Кирилл, заметив светлую тень в окне второго этажа.

– Да шут ее знает, ведьму...

Дверь в квартиру распахнулась, стоило молодым людям приблизиться к ней.

– Как? Ты даже не достал ключ!

– Что тут случилось? – вскрикнул Кирилл.

Вещи в беспорядке валялись на полу.

– Давай быстрее отсюда, – Максим бросился собирать все в сумку.

Кирилл в квартиру больше не вернулся. Ему удалось договориться о комнате в общежитии. Григорьевы вернули деньги за аренду жилья. В апреле злосчастный дом, наконец, снесли. Куда делась старая Федора никто так и не узнал.

Тайна Федоры

Ветшает дом, куда привез ее Спиридоша, гулок, пуст – ни смеха, ни плача... живых. Только тени, бесконечные тени, ни минуты покоя. Это другие не видят, она же полторы сотни лет окружена фантомами памяти. Все больше хотелось уйти, раствориться в пустоте, перестать быть, но она знала, что рассыплется вместе с домом. Наказание и спасение.

«Грунечка, Грунечка», – фигура мамы возникает всегда неожиданно. И вот она уже не в пыльной квартире, а бежит по узкой тропке, а вокруг нее самый настоящий лес из травы. Она смеется, оборачиваясь на мать, ленточка соскальзывает с непослушных волос.

«Грунечка», – звучит строже. Она остановилась, в горле сразу запершило от влажной горечи, посмотрела на мать, пытаясь по рисунку светлых черточек-морщин на загорелом лице угадать, сильно ли та на нее сердится, но прочла не осуждение, а испуг и сразу же увидела огромную тень перед собой. Обернулась, вскрикнула и бросилась в росистые заросли.

– Пугливая у тебя девчонка, – протянула цыганка. – Судьба у нее тяжелая.

Но мать не слушала, догнала дочку, схватила на руки и прочь.

– Три имени сменит, как первое потеряет, так бесы власть возьмут.

Столько раз пыталась вызвать из памяти образ матери, но видела лишь ясный летний день, высокую траву, видела светлые росчерки морщин и чувствовала тепло от тела, к которому та ее прижимала, когда убегали от цыганки. Мама умерла, когда Груне исполнилось пять лет, отец почти сразу привел мачеху. С появлением молодой жены, девочке в доме места не осталось, ее отдали в семью тетки, сестры отца. Там она и прожила лет семь, пока окончательно не подросла, не стала полноценной работницей. Тогда отец и вспомнил о старшей дочери. К тому времени они с мачехой нажили уже пятерых детей, требовалась нянька. Если образ матери она тщетно пыталась вызвать из глубин памяти, то грубая, властная мачеха, казалось, сопровождала всю жизнь, как ни гнала.

«Груня, Груня», – из пыльных глубин сознания спасительный голос матери. А за ним тень фурии-мачехи, наслаждающейся наказанием падчерицы. Сколько теней за почти две сотни лет, но труднее всего справиться именно с мачехой!

Прошенька. Его всегда видела жарким Петровым днем, на маленькой полянке, укрытой от сторонних глаз. Сросшиеся кроны, подобно сити, рассыпали солнечный свет, дробя на множество золотых бликов. Груша смотрела на круглое лицо Прошки, рыжие кудри, выбивающиеся из-под картуза. Парень отламывал от краюхи, принесенной ею из дома, большие куски, обмакивал в соль пучки зеленого лука и запивал из фляжки.

– Я лук ужас как люблю, почти как тебя, – парень отложил, наконец, буханку и потянулся к девушке.

– Нет, Прошенька, нельзя, – уклонилась та от него.

– А так? – парень выудил из-за пазухи грязный узелок и протянул подружке.

Груша развязала ветхую тряпочку. Колечко, самое настоящее, с красным камушком!

– Золотое, – довольно буркнул Прохор.

– Откуда? – в ее глазах появился испуг. Вспомнила, что в деревне говорили о шайке разбойников, появившейся в их лесах. Вот и с месяц назад вроде как купчика молодого избili люто да добро отобрали, а купчик-то тот к невесте ехал.

– Ну что, Грунька, пойдешь теперь за меня, я ведь перед тобой не таюсь?

– Купчик?

– Он, а колечко это вез на палец своей купчихе пристроить, да, на беду, нас повстречал, – Прошка зло захохотал. – Для тебя все сделаю. Бежим сегодня? Меня ведь ищут, а не согласишься, найду себе городскую в шелках.

– Когда бежать? – еле выдохнула девушка.

– Ай да девка! Сегодня, сегодня увезу тебя, зазноба, выберемся, а там уже кони резвые поджидают, все готово, – и Прошка крепко сжал Грунюшку, срывая с нее одежду.

– Жена тебе? – заглядывала в глаза парня, управляющего одеждою.

– А то как же, порядок знаем...

В этот миг набежавшая тучка стерла золотые монетки, рассыпанные по листе.

Груня так и не стала женой Прошки. Когда ее, трясущуюся, сжимающую маленький узелок с вещами, что тайно вынесла из родительского дома, ввел в ветхую лачугу на городской окраине, с порога заявил – венчание после, сейчас обжиться надо, житье в городе денег стоит, а их мало. Как окрепнут, своим углом обзаведутся, так сразу и в церковь. Девушка поплакала да быстро утешилась, подумала, хуже, чем в отчем доме и места нет на земле.

Первое время Прошка в свои дела не втягивал, просто исчезал на несколько дней, а когда возвращался, приносил узлы и прятал в подполе. Груня стирала одежду в рыжих пятнах и ни о чем не спрашивала. Куда потом уносил, кому продавал, не рассказывал, а только после удачных сделок бросался в недельный загул. А девушка обживалась, гуляла по городу, присматривая себе место. Откладывала кое-то из денег, что давал любовник на хозяйство, оделась по-городскому и вечерами, когда милый друг был в отъезде, ходила по бульварам «людей посмотреть». Иногда к ней подходили господа с непристойными предложениями, но Груне всегда удавалось сбежать.

К осени Прошка осмелел, чаще уходил «по делам», а когда приходил, заставлял любовницу разбирать добычу: отстирывать и латать вещи, чистить серебро. Позже и вовсе посылал по заветным адресам. Перебирала Груня ткани шелковые, примеряла украшения на белую шейку, и все больше тянуло ее к вещам дорогим. Бегала по мебелированным комнатам да трактирам, где дела темные творили, заводила знакомства. В одном из таких трактиров встретила тетку Скороручку. Подружилась с ней, как могут дружить пожилая женщина, знающая, как страшно одинок ее век и молодая девица.

– Уж если и ходить в барулях, так у дельца покрупнее. Не пара Прошка такой крале. А еще лучше сама на промысел выходи, – поучала Скороручка.

– Это как же воровать? – ахала Груня.

– Да с твоей красотой и дел-то, девка ты маклевая.

И научила. Переступив через страх Груня научилась мошну подрезать. Добычу Скороручка на хранение забирала. Жила старуха во флигельке небольшого дома, комнаты которого сдавала внаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.